

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Пандемия COVID-19 и её влияние на мировой рынок труда: анализ складывающихся тенденций (Часть первая)

The COVID-19 Pandemic and Its Impact on the Global Labour Market: an Analysis of Emerging Trends (Part One)

Получено 19.01.2021 Одобрено 11.02.2021 Опубликовано 19.03.2021

DOI: 10.19181/Ispr.2021.17.1.1

Для цитирования: Одегов Ю.Г., Разинов А.Е. Пандемия COVID-19 и её влияние на мировой рынок труда: анализ складывающихся тенденций (Часть первая) // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Том 17. №1. С. 9–20. DOI: 10.19181/Ispr.2021.17.1.1

For citation: Odegov Yu.G., Razinov A.E. The COVID-19 pandemic and its impact on the global labor market: an analysis of emerging trends (Part one). *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021. Vol. 17. No.1. P. 9–20. DOI: 10.19181/Ispr.2021.17.1.1

ЮРИЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ОДЕГОВ,

д.э.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник научной школы «Теория и технологии менеджмента» ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова», г. Москва, Российская Федерация.

YURY G. ODEGOV,

Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Scientific School «Theory and Technologies of Management» of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation.

E-mail hmr-trade@yandex.ru elibrary Author_id 491417

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0003-0364-4146> Researcher ID B-1050-2019

АНТОН ЕВГЕНЬЕВИЧ РАЗИНОВ,

к.э.н., старший научный сотрудник Образовательно-научного центра «Торговля» ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова», г. Москва, Российская Федерация.

ANTON E. RAZINOV,

Ph. D. in Economics, Senior Researcher of the Educational and Scientific Center «Trade» of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

E-mail Razinov.AE@rea.ru elibrary Author_id 838395

Researcher ID AAD-8882-2021

Аннотация

В условиях экономического кризиса, вызванного распространением коронавирусной инфекции, мировой рынок труда столкнулся с серьёзными вызовами, от своевременности и эффективности реакции на которые сегодня зависит жизнеспособность мировой экономики. Кризис носит глобальный характер и оказывает существенное влияние на инвестиционные, глобальные цепочки создания стоимости и международную торговлю, что влечёт за собой серьёзные последствия не только для экономики, но и для трудоспособного населения во всех странах мира. Происходящие во всем мире экономические потрясения, вызванные пандемией коронавируса, требуют тщательного анализа масштабов его последствий с целью определения наиболее рациональных решений. Обстановка неуверенности в завтрашнем дне, страх разрушительных последствий, пессимистические прогнозы были спутниками первых дней пандемии. В данной статье даны первые оценки уровня безработицы и занятости в различных странах мира в 2020 г. Статья ввиду её большого объёма разделена на две части. В первой части раскрыты причины различия в динамике уровня безработицы в разных странах мира, произведены расчеты эластичности занятости по ВВП, рассмотрены последствия пандемии для мирового рынка труда в контексте изменения доходов работников, определены сегменты рынка труда, наиболее подверженные удару. Во второй части статьи подробно изучено состояние российского рынка труда и динамика основных показателей социально-экономического развития России до и во время пандемии, приведены прогнозные значения индикаторов, раскрыты особенности адаптации российского рынка труда к новым вызовам и их отличия от механизмов саморегулирования во время предыдущих экономических потрясений, при этом сделан акцент на изменениях, происходящих в неформальном секторе российской экономики.

Abstract

In the context of the economic crisis caused by the spread of coronavirus infection, the global labour market has faced serious challenges, on the timeliness and effectiveness of the response to which the viability of the world economy today depends. The crisis is global in nature and has a significant impact on investment, global value chains and international trade, with serious consequences not only for the economy, but also for the working-age population in all countries of the world. The global economic turmoil caused by the coronavirus pandemic requires a thorough analysis of the scale of its consequences in order to determine the most rational solutions. A situation of uncertainty about the future, fear of devastating consequences, and pessimistic forecasts were the companions of the first days of the pandemic. This article provides the first estimates of the level of unemployment and employment in various countries of the world in 2020. The article is divided into two parts due to its large volume. The first part reveals the reasons for the differences in the dynamics of unemployment in different countries of the world, calculates the elasticity of employment by GDP, considers the consequences of the pandemic for the global labor market in the context of changes in workers' incomes, and identifies the segments of the labor market that are most susceptible to impact. The second part of the article examines in detail the state of the Russian labour market and the dynamics of the main indicators of socioeconomic development of Russia before and during the pandemic, provides forecast values of indicators, reveals the features of adaptation of the Russian labor market to new challenges and their differences from the mechanisms of self-regulation during previous economic shocks, while focusing on the changes occurring in the informal sector of the Russian economy.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, рынок труда, занятость, безработица, неформальная занятость, дистанционная работа, трудовые доходы, рабочее время

Keywords: COVID-19 pandemic, labour market, employment, unemployment, informal employment, remote work, labour income, working hours

Введение

Пандемия COVID-19 чётко показала значительную её опасность для мирового рынка труда. Её начало в КНР привело к нарушению работы сбытовых цепочек по всему миру. Зависимость многих компаний мира от поступающих из Китая ресурсов и комплекствующих обусловило сокращение масштабов производства продукции. Паника среди потребителей и фирм изменила привычные модели потребления и управления. Введённые в дальнейшем транспортные ограничения между странами ещё больше снизили глобальную экономическую активность. Данные трансформации существенно повлияли на глобальные финансовые рынки, а мировые фондовые индексы отреагировали на это резким падением.

Возможные последствия пандемии и варианты развития событий для мировой экономики в целом и российского рынка труда в частности рассматривались на основе сценарного подхода в трудах зарубежных [McKibbin, W.J., Fernando, R., 2020, 10–12] и отечественных исследователей¹ [Мухина И.И., Синдяшкина Е.Н., 2020, 59–63]. В комплексном исследовании ученых и специалистов ведущих российских вузов и научных центров «Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19» было проанализировано воздействие коронавируса на российский рынок труда, а также рассмотрены происходящие на нём трансформации [May В.А., 2020, 101–118]. Проблематике происходящих на российском рынке труда изменений в части возрастания в период пандемии роли дистанционной занятости посвящены труды многих отечественных учёных [Руденко Г.Г., Долженкова Ю.В., 2020, 53–55; Колесникова О.А., Стребков А.А., 2020, 63–66; Никитина Н.А., 2020, 131–134; Золотов А.В., Золотов С.А., 2020, 96–104].

Объектом исследования являются рынки труда, главным образом, стран Евразии и России. **Предметом** изучения данной статьи являются особенности изменения общепринятых (базовых) показателей, характеризующих рынок труда в условиях пандемии COVID-19. **Цель** исследования состоит в определении масштабов влияния коронавирусной инфекции на рынки труда различных стран и её воздействия на важнейшие макроэкономические показатели, изучении механизмов адаптации рынка труда к происходящим трансформациям. **Гипотеза** исследования состоит в том, что панде-

мия, имея разную степень воздействия на рынки труда стран мира, в качестве реакции на неё на первом этапе получила «хаотичные» подходы к регулированию национальных рынков труда. В дальнейшем в результате накопления опыта произошла определённая структуризация мер по управлению занятостью, где наиболее значимым стало снижение неформальной занятости и рост значения дистанционной работы в качестве механизма адаптации к новым сложившимся условиям.

Статья ввиду её большого объёма разделена на две части.

В первой части было проанализировано влияние пандемии COVID-19 на уровень занятости в различных странах мира, её последствия для мирового рынка труда в контексте изменения доходов работников и количества отработанного времени, раскрыты особенности адаптации рынков труда отдельных стран мира, а также причины различия динамики безработицы в разных регионах мира. На основе имеющихся в открытом доступе статистических данных выполнены расчёты коэффициента эластичности занятости по ВВП для ряда стран мира, проведён анализ полученных значений, определены сегменты рынка труда, которые в наибольшей степени пострадали от удара пандемии.

Во второй части статьи будут выявлены основные тенденции, присущие российскому рынку труда до вспышки эпидемии и тренды, очертания которых стали видны в период её проявления. Будет раскрыта суть основных изменений, произошедших вследствие необходимости адаптации к новым условиям. Будут выявлены основные отличия от механизмов саморегулирования рынка труда, проявившихся во время предыдущих экономических потрясений. Подробно будет рассмотрено влияние пандемии на неформальную занятость в российской экономике.

1. Основные теоретические и методологические положения исследования

Вызванное влиянием коронавирусной пандемии снижение деловой активности не является системным и имеет особенный характер развития, который опосредованно контролируется правительствами стран, вводящими те или иные ограничения.

Нетипичность сложившейся во всём мире ситуации по сравнению с предыдущими кризисами заставляет по-новому взглянуть на масштабы изменений в уровне занятости и определить характер их трансформации. Так, если после распада СССР и последовавшего за ним коллапса в отече-

¹ Прогноз основных показателей социально-экономического развития РФ на 2020–2023 годы / Ведев А., Дробышевский С., Каукин А., Кнобель А., Миллер Е., Трунин П., Тузов К., Зайцев Д., Косьяненко А., Орехина И., Жевнов Е., Галицкая Н., Архипова Т. / Счётная палата Российской Федерации, Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара / М.: 2020. Стр. 9–10, 24–31.

ственной экономике 1991–1998 гг., как и во время кризиса 2015–2016 гг., рынок труда адаптировался к новым условиям за счёт снижения уровня реальной заработной платы [Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Рощин С.Ю., 2017, 15–18, 27–29], то в условиях пандемии ключевой стала роль в стабилизации ситуации на российском рынке труда дистанционной занятости [Руденко Г.Г., Долженкова Ю.В., 2020, 55]. Развитие данного вида занятости во всем мире не является порождением пандемии, её постепенный рост наблюдался в развитых странах мира и до событий 2020 г. [Мау В.А., 2020, 111; Бобков В.Н., Одегов Ю.Г., Гарнов А.П., 2020, 525].

Отдельно стоит отметить роль неформальной занятости, которая является следствием «российской модели» рынка труда [Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Рощин С.Ю., 2017, 8]. В периоды экономических шоков и потрясений происходила реаллокация уволенных с предприятий легальной экономики в организации неформального сектора. Данный «трансфер» работников являлся вынужденной мерой, но позволял иметь им источник дохода в кризисные времена, с одной стороны, и поддерживал численность занятых почти на неизменном уровне – с другой. Таким образом, рост объёмов неформальной занятости в последние годы выступал в качестве одного из важнейших механизмов адаптации к кризисным явлениям.

Так как складывающаяся в настоящее время в экономике ситуация не имеет по своим масштабам и охвату прецедентов и значительно отличается от предыдущих спадов по характеру, то возникает вопрос о степени влияния различных механизмов подстройки на сглаживание влияния последствий пандемии на рынке труда в целом.

2. Использованные данные и методы работы с ними

Информационной базой исследования послужили статистические данные Федеральной службы государственной статистики, базы данных интернет-ресурса <https://countryeconomy.com>, данные социологических исследований и опросов, вестники Международной организации труда (МОТ), сведения Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), а также оперативные публикации в периодических изданиях и профессиональных СМИ. В статье использовались данные Росстата за период 2000–2020 гг., информация из других источников – за 2017–2020 гг.

В исследовании использовались методы системного, сравнительного, абстрактно-логического, статистического анализа.

3. Результаты исследования

Оценка влияния пандемии на основные индикаторы мирового рынка труда

В период пандемии все предприятия и организации, независимо от масштабов и сферы деятельности, столкнулись со значительными трудностями; наибольшие проблемы наблюдались в таких отраслях, как авиаперевозки, туризм, гостиничное и ресторанное дело, сфера услуг. Ряд секторов экономики столкнулся с реальной угрозой резкого снижения доходов, увольнения работников, банкротства. В особенно тяжёлой ситуации оказались малые и средние предприятия, которым стало сложно поддерживать деловую активность в складывающейся обстановке. Запреты на поездки, закрытие границ, карантинные меры значительно ограничили возможность многих работников выполнять свои трудовые обязанности, что негативно повлияло на их доходы, в особенности на неформально занятых и трудоустроенных на временных работах. В обстановке неопределённости организации и фирмы не торопились с инвестициями, закупками и наймом работников².

Различные ограничения, вызванные пандемией, к началу апреля 2020 г. коснулись 81 % трудовых ресурсов мира, а к 22 апреля их доля сократилась до 68 %, на это повлияло снятие жёстких ограничений в Китае и ряде других стран³. Однако во многих странах мира ситуация только ухудшилась – в мае 2020 г. 94 % работников проживало в странах, где действует тот или иной карантинный режим, вызывающий ограничение доступа к рабочим местам⁴.

По оценкам МОТ, 1,6 млрд. работников были заняты в секторах, где происходило значительное сокращение рабочих мест, и доходы которых заметно снизились в результате ограничительных мер⁵. Кроме того, пандемия затронула 1,25 млрд. рабочих мест, находящихся в зоне риска, особен-

² COVID-19 и сфера труда: последствия и ответные меры. Вестник Международной организации труда. 2020. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_746166.pdf (дата обращения: 20.09.2020).

³ COVID-19 и сфера труда. Третий выпуск. Обновленные оценки и анализ. Вестник Международной организации труда. 2020. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_743625.pdf (дата обращения: 22.10.2020).

⁴ COVID-19 и сфера труда. Четвертый выпуск. Обновленные оценки и анализ. Вестник Международной организации труда. 2020. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_746704.pdf (дата обращения: 30.10.2020).

⁵ COVID-19 и сфера труда. Третий выпуск. Обновленные оценки и анализ. Вестник Международной организации труда. 2020. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_743625.pdf (дата обращения: 22.10.2020).

но в наиболее пострадавших секторах, таких как розничная торговля, гостиничный и ресторанный бизнес, а также обрабатывающая промышленность⁶. Большинство этих работников пришлось на самозанятых в неформальной экономике, где они имеют меньше возможностей «смягчить» последствия от потери работы и доходов.

С целью оценки степени сокращения занятости, которое повлечёт за собой пандемия, МОТ разработана модель, которая предсказывает сокращение рабочего времени. По этой модели, общее количество часов, отработанных во всём мире, в первом квартале 2020 г. сократилось на 5,6% по сравнению с IV кварталом 2019 г., а потери рабочего времени во втором квартале составили 17,3%. Данное значение эквивалентно занятости 495 млн. работающих полный рабочий день с 48-часовой рабочей неделей. Сравнение регионов показало, что наибольшие потери отработанного времени понесли Северная и Южная Америка, а также Европа и Центральная Азия. В Северной и Южной Америке потери рабочего времени во втором квартале составили 18,3% по сравнению с докризисным уровнем. В Европе и Центральной Азии снижение оценивается в 17,5%. Закрытие рабочих мест по-прежнему создаёт дисбаланс на рынках труда всего мира и приводит к тому, что масштабы потерь рабочего времени превышают предшествующие постоянно обновляемые прогнозы. Одна из основных причин увеличения потерь рабочего времени связана с тем, что они в большей степени охватывают работников в развивающихся странах и странах с формирующейся рыночной экономикой, где преобладает неформальная занятость. Уменьшение общего количества отработанных часов колеблется от 46% в Мексике до 10% в Австралии. Согласно последним оценкам, ожидается, что объём потерь рабочего времени в третьем квартале 2020 г. останется высоким и составит 12,1% или 345 млн. рабочих мест. Согласно базовому сценарию, ожидаемые потери рабочего времени в последнем квартале 2020 г. составят 8,6%, или 245 млн. рабочих мест⁷.

Существенное снижение общего количества часов работы связано как с изменением количества трудоустроенных, так и с сокращением рабочего времени в неделю для тех работников, которые продолжают работать.

⁶ COVID-19 и сфера труда: последствия и ответные меры. Вестник Международной организации труда. 2020. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_746166.pdf (дата обращения: 20.09.2020).

⁷ COVID-19 и сфера труда. Шестой выпуск. Обновленные оценки и анализ. Вестник Международной организации труда. 2020. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_756701.pdf (дата обращения: 30.11.2020).

При этом надо отметить, что падение было значительно больше, чем снижение, которое произошло во время мирового финансового кризиса 2007–2008 гг. (более чем в 6 раз) [ILO-OECD, 2020, 12]. Сокращение продолжительности рабочего времени позволило сгладить статистические данные по росту безработицы во многих странах.

По мере распространения коронавируса по всему миру миллионы рабочих потеряли часть или все свои доходы. На начальном этапе кризиса особенно пострадали низкооплачиваемые, зачастую низкоквалифицированные работники. Совокупные потери трудовых доходов, согласно первоначальным оценкам МОТ, к концу 2020 г. составят от 860 до 3440 млрд. долларов США⁸. Снижение трудовых доходов отразилось на потреблении товаров и услуг, что отрицательно сказалось на работе предприятий и жизнестойкости экономики.

Оценки потерь трудовых доходов (без учёта мер их поддержки) предполагают их общемировое снижение на 10,7% в течение первых трёх кварталов 2020 г. (по сравнению с соответствующим периодом 2019 г.), что составляет 5,5% мирового валового внутреннего продукта (ВВП) за первые три квартала 2019 г. За первые три квартала 2020 г. потери трудовых доходов наиболее высоки в странах со средним уровнем дохода. В странах с уровнем дохода ниже среднего они достигли 15,1%, в странах с уровнем дохода выше среднего – 11,4%⁹.

В ряде стран сокращение заработной платы оговаривалось в коллективных договорах между работниками и работодателями. Например, в Аргентине коллективное соглашение предусматривало сокращение заработной платы на 25% для работников кризисных отраслей на 60 дней, начиная с 1 апреля 2020 г., с целью сохранения рабочих мест.

Доля работников, которые имели оплачиваемую работу в начале апреля 2020 г. и сообщили о более низких заработках в марте по сравнению с предыдущими месяцами, составляла: 35% в США, 30% в Великобритании и 20% в Германии¹⁰. Неко-

⁸ COVID-19 и сфера труда: последствия и ответные меры. Вестник Международной организации труда. 2020. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_746166.pdf (дата обращения: 20.09.2020).

⁹ COVID-19 и сфера труда: последствия и ответные меры. Вестник Международной организации труда. 2020. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_746166.pdf (дата обращения: 20.09.2020).

¹⁰ The impact of the COVID-19 pandemic on jobs and incomes in G20 economies. ILO-OECD paper prepared at the request of G20 Leaders Saudi Arabia's G20 Presidency 2020. (2020). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_756331.pdf (дата обращения: 09.11.2020).

торые страны также пошли на сокращение размера заработной платы в государственном секторе¹¹.

В то же время в США и Канаде, напротив, произошёл скачок реальной заработной платы в апреле на 5,8% и 6,8% соответственно. Однако данное явление было связано с большей потерей рабочих мест среди низкооплачиваемых работников, чем среди высокооплачиваемых.

Самозанятость во всем мире являлась одним из вариантов выживания или сохранения доходов, причём, как правило, в секторе неформальной экономики. Наряду с нею существуют другие механизмы адаптации – неполная занятость, недозанятость, урезание бонусов и льгот, вынужденные отпуска, удалённая работа и т.п. В кризисные периоды масштабы неформальной занятости возрастали. Однако в условиях пандемии в значительной степени потере работы и дохода были подвержены самозанятые работники и лица, работающие по временным контрактам, по вызову или неполный рабочий день, а также работники в сфере неформальной экономики. Трудоустроенные по срочным контрактам были одними из первых, кто потерял работу во время пандемии, поскольку контракты, которые подошли к концу, не были продлены. Во Франции, например, увеличение числа новых заявок на пособие по безработице в марте и апреле 2020 г. почти в полной мере приходилось на работников, занятых на временных работах и чьи контракты не были продлены. В Италии сокращение числа рабочих мест в период с конца февраля по конец апреля 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. было в значительной степени обусловлено сокращением найма по срочным контрактам. Схожая картина наблюдалась и в Испании¹².

Последствия кризиса были особенно тяжёлыми для работников неформального сектора, для которых пребывание дома означало потерю работы и средств к существованию. Так, по оценкам МОТ, в 2020 г. 1,2 млрд. работников в странах G20 находились в условиях неформальной занятости – что составляет 55% от общей занятости (20% в развитых странах G20 и 67% в странах с формирующейся рыночной экономикой G20). Порядка 850 млн. человек (70% неформального сектора) сильно пострадали от COVID-19, что привело к снижению их заработков примерно на

¹¹ No mid-year bonus for civil servants; one-time pay cut for superscale public officers. URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/no-mid-year-payout-for-all-civil-servants-this-year-public-service-division> (дата обращения: 10.10.2020).

¹² The impact of the COVID-19 pandemic on jobs and incomes in G20 economies. ILO-OECD paper prepared at the request of G20 Leaders Saudi Arabia's G20 Presidency 2020. (2020). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_756331.pdf (дата обращения: 09.11.2020).

61% (34% в развитых экономиках G20 и 76% в странах с формирующейся рыночной экономикой G20)¹³.

Уязвимость работников, занятых в неформальном секторе, усугубляется в большинстве стран G20 их ограниченным доступом к пособиям по безработице и болезни. При отсутствии универсальных систем социальной защиты и специальных мер поддержки пособия по минимальному доходу часто являются единственной формой поддержки, доступной неформально занятым работникам.

Первоначальные оценки МОТ также указывали на то, что в зависимости от различных вариантов развития ситуации рост безработицы в мире может составить от 5,3 млн. человек («мягкий» сценарий) до 24,7 млн. человек («жёсткий» сценарий). За исходный показатель была взята численность безработных, которая насчитывала в мире в 2019 г. 188 млн. человек. При «среднем» сценарии рост безработицы составит 13 млн. человек (7,4 млн. – в странах с высоким уровнем доходов). Для сравнения: мировой финансовый кризис 2008-2009 гг. оставил без работы 22 млн. человек¹⁴.

В исследовании Boston Consulting Group (BCG), результаты которого были опубликованы в мае 2020 г., прогнозировалось, что из-за последствий коронавируса каждый шестой человек в мире может потерять работу в июле-августе 2020 г., а всего в 2020 г. более 1,9 млрд. человек, т.е. более половины трудовых ресурсов мира, рискуют остаться без неё или перейти в состояние неполной занятости¹⁵.

Опираясь на имеющиеся в открытых источниках данные об уровне безработицы в ряде стран мира за период январь-октябрь 2020 г., следует отметить, что невозможно однозначно выделить конкретный месяц, на который пришёлся наиболее сильный удар по мировому рынку труда. Однако можно с уверенностью выделить период, в течение которого сильнее проявлялись негативные тенденции – это март-апрель 2020 г. (см. таблицу 1).

¹³ The impact of the COVID-19 pandemic on jobs and incomes in G20 economies. ILO-OECD paper prepared at the request of G20 Leaders Saudi Arabia's G20 Presidency 2020. (2020). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_756331.pdf (дата обращения: 09.11.2020).

¹⁴ COVID-19 и сфера труда: последствия и ответные меры. Вестник Международной организации труда. 2020. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_746166.pdf (дата обращения: 20.09.2020).

¹⁵ BCG: каждый шестой в мире может потерять работу из-за COVID-19. URL: <https://ria.ru/20200529/1572147926.html> (дата обращения: 15.11.2020).

Таблица 1
Уровень безработицы в странах мира за период январь-октябрь 2020 г., %*

Table 1

Global Unemployment Rate for the Period January–October 2020, %*

Месяц Страна	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь
Австралия	5,3	5,1	5,2	6,2	7,1	7,4	7,5	н/д	н/д	н/д
Австрия	6,8	4,4	4,6	4,7	5,5	5,4	5,2	5	5,5	5,4
Бельгия	5,1	5	5,1	5,3	5,4	5,5	5,5	5,1	5,2	5,1
Германия	3,4	3,6	3,8	4	4,2	4,3	4,4	4,5	4,5	4,5
Дания	4,9	4,9	4,8	4,9	5,5	6	6	6,1	6,1	5,8
Испания	13,8	13,6	14,5	15,3	15,4	15,8	15,8	16,2	16,5	16,2
Италия	9,6	9,4	8,5	7,3	8,5	9,3	9,7	9,7	9,6	9,8
Канада	5,5	5,6	7,8	12	13,7	12,3	10,9	10,2	9	8,9
Люксембург	5,7	5,8	6,5	7,5	7,7	7,7	7,3	6,8	6,7	6,5
Нидерланды	3	2,9	2,9	3,4	3,6	4,3	4,5	4,6	4,4	4,3
Норвегия	3,7	3,5	3,6	4,1	4,6	5,2	5,2	5,3	5,2	5,2
Португалия	6,8	6,4	6,2	6,3	5,9	7,3	8,1	8,1	7,7	7,5
Россия	4,7	4,6	4,7	5,8	6,1	6,2	6,3	6,4	6,3	6,3
Соединенное королевство	3,9	4	3,9	3,9	3,9	3,9	4,4	4,5	4,8	4,9
США	3,6	3,5	4,4	14,7	13,3	11,1	10,2	8,4	7,9	6,9
Франция	8	7,7	7,5	7,8	6,9	6,6	6,9	7,5	7,9	8,6
Швеция	7	7,6	6,8	7,9	8,5	9,2	9,2	9	9	8,3
Южная Корея	3,5	4,2	3,8	3,8	4,5	4,3	4,2	3,2	3,9	4,2
Япония	2,4	2,4	2,5	2,6	2,9	2,8	2,9	3	3	3,1
Еврозона	7,4	7,3	7,2	7,4	7,5	7,7	7,9	8,1	8,3	8,4

* Составлено авторами на основе данных базы *countryeconomy.com*. URL: <https://countryeconomy.com/unemployment> (дата обращения 29.01.2021).

Ситуация на рынке труда каждой отдельной страны изменялась в зависимости от динамики заболеваемости населения и принимаемых тем или иным государством ответных мер. Например, в США и Канаде первая реакция рынка труда на происходящие изменения отмечена в марте 2020 г., когда уровень безработицы вырос на 0,9 % и 2,2 % соответственно; в следующем месяце произошел значительный прирост данного показателя – на 10,3 % в США и 4,2 % в Канаде. Уже в мае доля безработных в США начала уменьшаться, а в Канаде эта тенденция проявилась только в июне. Стоит также отметить, что несмотря на существенный рост численности безработных в Канаде и США, который был значительно большим, чем во время глобального кризиса 2008 г., он всё же оказался меньше ожидаемого. Причиной это-

му стало оперативное принятие законодательных актов, направленных на поддержку предприятий, и, как следствие, обеспечение сохранения рабочих мест в ряде отраслей экономики. Так, например, в конце марта 2020 г. правительство Канады выделило 82 млрд. канадских долл. (примерно 56 млрд. долл. США), из которых 27 млрд. долл. были предназначены для прямой поддержки канадских рабочих и предприятий, оказавшихся под воздействием коронавируса, а 55 млрд. долл. – для отсрочки налоговых платежей физических лиц, малых и средних предприятий¹⁶. Президентом США в конце марта 2020 г. был подписан закон об экономическом стимулировании (CARES Act),

¹⁶ Канада выделит \$82 млрд на борьбу с коронавирусом нового типа. URL: <https://newsru.ca/2020/03/20/kanada-vydelit-c-82-mlrd-na-borbu-s-koronavirusom-novogo-tipa/> (дата обращения: 29.01.2021).

согласно которому предусматривалось оказание финансовой помощи крупным компаниям в виде кредитов в объёме 500 млрд. долл. при условии сохранения рабочих мест для большей части сотрудников. Закон также был нацелен на поддержку малого бизнеса, для кредитования которого было выделено 350 млрд. долл., причём заёмные средства не нужно возвращать в случае использования кредита для выплаты заработной платы или выплаты процентов по ипотечным кредитам и арендной платы¹⁷. В конце апреля 2020 г. был подписан закон о дополнительном стимулировании экономики ещё почти на 500 млрд. долл., из которых 321 млрд. долл. выделялся на продолжение программы поддержки малого бизнеса¹⁸.

Дополнительно стоит отметить, что данный закон имел и противоположный эффект. Согласно CARES Act всем безработным к местному пособию полагалась федеральная надбавка – 600 долл. в неделю. Данный факт позволял безработному гражданину получать больше, чем работающему (средний еженедельный заработок половины занятых американцев в 2019 г. составлял 957 долл.)¹⁹.

В США численность занятых сократилась на 22,4 млн. человек (с учётом сезонных колебаний) в период с марта по апрель 2020 г., в то время как армия безработных выросла на меньшее число и составила 15,9 млн. человек²⁰. Данную разницу можно объяснить тем, что на рынке труда США занято значительное количество мигрантов, которые в условиях пандемии столкнулись с резким ростом уровня безработицы, обусловленным занятостью в наиболее пострадавших от пандемии секторах экономики, а также более молодым возрастом, более низким уровнем образования трудящихся из числа мигрантов. Получение статуса безработного мигрантом возможно лишь при условии соответствия определённым требованиям, что и объясняет большую численность потерявших работу по сравнению с числом признанных безработными.

В то время, когда на рынках труда вышеперечисленных стран (США и Канады) ярко проявлял-

¹⁷ Трамп подписал закон о стимулирующих экономику мерах на \$2 трлн. URL: [https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/tramp-podpisal-zakon-o-stimuliruyushchikh-ekonomiku-merakh-na-\\$2-trln-1029041031](https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/tramp-podpisal-zakon-o-stimuliruyushchikh-ekonomiku-merakh-na-$2-trln-1029041031) (дата обращения: 29.01.2021).

¹⁸ Трамп подписал закон о дополнительном стимулировании экономики. URL: <https://ria.ru/20200424/1570543140.html> (дата обращения: 29.01.2021).

¹⁹ Дали больше, чем нужно: почему в США быть безработным выгодно. URL: https://www.dp.ru/a/2020/05/22/Virus_na_vjelfere (дата обращения: 29.01.2021).

²⁰ The impact of the COVID-19 pandemic on jobs and incomes in G20 economies. ILO-OECD paper prepared at the request of G20 Leaders Saudi Arabia's G20 Presidency 2020. (2020). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_756331.pdf (дата обращения: 09.11.2020).

ся существенный рост официальной безработицы, в странах Европы отмечалось незначительное её повышение. В целом в рамках стран Еврозоны безработица стабильно повышалась на 0,2 % ежемесячно начиная с апреля (за исключением мая и октября – прирост 0,1 %). Так, например, в Швеции, Дании, Франции, Португалии, а также в целом по странам Еврозоны в марте даже было зафиксировано её снижение. Начав поступательный рост весной, уровень безработицы в ряде стран незначительно возрастал каждый месяц. Достигнув в ряде стран пика в июле-августе, доля безработных начала незначительно снижаться. Исключение составляет лишь Франция, в которой по состоянию на ноябрь 2020 г. рост уровня безработицы не прекратился. Впечатляющими кажутся 16,2 % безработных в Испании по состоянию на октябрь 2020 г., однако начиная с января прирост составил всего 2,4 %.

В азиатских странах обращает внимание невысокое значение данного показателя. Так, безработица в Японии ежемесячно повышалась, однако её величина не превышала 3,1 %. В Южной Корее максимальный уровень безработицы был зафиксирован в мае 2020 г. (4,5 %), после чего началось снижение.

Согласно прогнозам ОЭСР, уровень безработицы в большинстве стран G20 в конце 2021 г. будет намного выше, чем в конце 2019 г.²¹

Российский рынок труда имеет схожую реакцию с европейским в плане роста уровня безработицы – наблюдается стабильное незначительное повышение её уровня ежемесячно с марта 2020 г. Единственный выделяющийся из общей картины «скачок» был отмечен в апреле, когда прирост показателя составил 1,1 %. Уровень безработицы, отмеченный в России за указанный период, сопоставим по своим значениям с показателями Дании. Стоит отметить, что в августе 2020 г. расхождение оценок регистрируемой безработицы в РФ и безработицы по методологии МОТ составляло 30 %, в то время как обычно данное соотношение равнялось 80 %. Причина данного явления кроется, по материалам Министерства экономического развития РФ, в первую очередь, в увеличении размера пособий по безработице, которые стали более привлекательны для временно безработных граждан²².

²¹ The impact of the COVID-19 pandemic on jobs and incomes in G20 economies. ILO-OECD paper prepared at the request of G20 Leaders Saudi Arabia's G20 Presidency 2020. (2020). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_756331.pdf (дата обращения: 09.11.2020)

²² Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/956cde638e96c25da7d978fe3424ad87/Prognoz.pdf> (дата обращения: 25.10.2020).

Таким образом, на основе проведённого анализа можно отметить, что в целом резких скачков уровня безработицы во многих странах мира не наблюдалось (за исключением рассмотренных стран Северной Америки), официальный уровень занятости оказался в достаточной степени устойчивым, а безработица не превышала естественный уровень в 5,5-6,0%. Такая ситуация существенно отличается от прогнозных оценок и идёт вразрез с представлениями о разрушительной силе влияния последствий пандемии на экономическую ситуацию в мире. Это было связано с тем, что заработали механизмы адаптации рынка труда к ситуации, обусловленной воздействием пандемии. Ключевой мерой сдерживания последствий пандемии COVID-19 для рынка труда во многих странах мира было развитие и стимулирование дистанционной занятости. В целях содействия быстрому переходу на удалённую работу, в ряде стран были приняты меры по упрощению её внедрения и использования, в том числе за счёт оказания финансовой и нефинансовой поддержки компаниям. Италия, например, упростила процедуру, разрешив компаниям и сотрудникам организовывать дистанционную работу без предварительного соглашения с профсоюзами, без письменного согласия и по выбору работников. Испания ускорила текущие государственные программы поддержки цифровизации малых и средних предприятий. Япония и Корея предложили субсидировать расходы на внедрение гибких механизмов работы.

Ещё одним значимым инструментом политики сдерживания массовых увольнений во многих развитых странах G20 стали программы сохранения рабочих мест. Суть программ состояла в сохранении рабочих мест в фирмах за счёт временного сокращения затрат компаний на фонд оплаты труда, которые часто составляют значительную часть операционных расходов фирм, особенно в секторе услуг, который в наибольшей степени пострадал от кризиса. Реализация таких программ осуществлялась в различных формах: прямое субсидирование отработанного времени, компенсация краткосрочных работ или внедрение временных схем увольнения. Некоторые страны G20 имели ранее существовавшие краткосрочные программы, которые были оперативно адаптированы под новые реалии в условиях пандемии. В мае 2020 г. запросы компаний о поддержке со стороны программ сохранения рабочих мест охватили 55% сотрудников во Франции, более 40% в Италии и около 30% в Великобритании, Германии и Австралии²³. Значительное использо-

вание данного инструмента отчасти объясняет, почему многие страны Еврозоны не испытали массового всплеска безработицы, как в США и Канаде. Другая причина существенной разницы между зафиксированными значениями уровня безработицы в странах Европы, Азии и Северной Америки заключается в различных подходах к учёту безработных и возникающих по этой причине статистических различиях. Так, в Канаде и Соединённых Штатах к безработным относились люди, которые во многих других странах мира считались бы занятыми. Фактическая численность безработных искажалась в связи с тем, что безработные временно приостанавливали активный поиск работы и они классифицировались как лица, не входящие в состав рабочей силы, и, следовательно, во всех странах G20 показатели экономической активности населения значительно сокращались. Многие из ставших безработными не видели смысла в поиске работы в период изоляции или не имели возможностей получить оплачиваемую работу из-за условий, связанных с мерами карантинного характера. По этой причине рост безработицы в ряде стран был гораздо меньше, чем в США и Канаде.

Для России ключевыми механизмами адаптации и «сглаживания» негативных прогнозных ожиданий в период пандемии стали перевод сотрудников на удалённую работу, корректировка графика работы персонала, изменение модели бизнес-процессов, наём сотрудников из числа только что потерявших работу. Взаимосвязь изменения уровня безработицы и объёма ВВП в странах мира в I–III кварталах 2020 г. представлена в таблице 2.

В I квартале 2020 г. наблюдалась отрицательная эластичность занятости по ВВП в ряде стран, т.е. увеличение доли занятых сопровождалось снижением уровня ВВП – например, в Нидерландах и Норвегии при сокращении ВВП на 1,5% наблюдался рост занятости на 0,3%. Острая реакция на последствия пандемии наблюдалась на рынке труда Канады, сокращение занятости было значительнее снижения объёма ВВП. Выделяющимися на общем фоне выглядят показатели Швеции в указанном периоде – занятость снижалась несмотря на рост объёма ВВП. Данный факт можно объяснить результатом реализации шведской модели борьбы с коронавирусом, которая предполагает минимальные ограничения деловой активности и низкую степень самоизоляции.

Данные по II кварталу 2020 г. отличаются большей однородностью – отрицательная эла-

request of G20 Leaders Saudi Arabia's G20 Presidency 2020. (2020). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_756331.pdf (дата обращения: 09.11.2020)

²³ The impact of the COVID-19 pandemic on jobs and incomes in G20 economies. ILO-OECD paper prepared at the

Эластичность занятости по ВВП в странах мира за I–III кварталы 2020 г.*

Таблица 2

Table 2

Employment Elasticity by GDP in the World for the First–Third Quarters of 2020*

Страна	I квартал 2020 г.			II квартал 2020 г.			III квартал 2020 г.		
	Изменение объёма ВВП	Изменение уровня занятости	Эластичность	Изменение объёма ВВП	Изменение уровня занятости	Эластичность	Изменение объёма ВВП	Изменение уровня занятости	Эластичность
Австралия	-0,3	-0,1	0,333	-7,0	-2,2	0,314	3,3	н/д	н/д
Австрия	-2,8	-0,3	0,107	-11,6	-0,8	0,069	12	-0,1	-0,008
Бельгия	-3,4	0,1	-0,029	-11,8	-0,4	0,034	11,4	0,3	0,026
Германия	-1,9	-0,5	0,263	-9,8	-0,5	0,051	8,5	-0,2	-0,024
Дания	-1,6	0,1	-0,063	-7,0	-1,2	0,171	4,9	-0,1	-0,020
Испания	-5,3	-0,8	0,151	-17,9	-1,3	0,073	16,4	-0,7	-0,043
Италия	-5,5	1,1	-0,200	-13,0	-0,8	0,062	15,9	-0,3	-0,019
Канада	-1,9	-2,2	1,158	-11,3	-4,5	0,398	8,9	3,3	0,371
Люксембург	-1,5	-0,9	0,600	-7,4	-1,2	0,162	9,8	1,0	0,102
Нидерланды	-1,5	0,3	-0,200	-8,5	-1,4	0,165	7,7	-0,1	-0,013
Норвегия	-1,5	0,3	-0,200	-4,7	-1,6	0,340	4,6	0,0	0,000
Португалия	-4	0,5	-0,125	-13,9	-1,1	0,079	13,3	-0,4	-0,030
Россия	-0,5	-0,1	0,200	-2,8	-1,5	0,536	0,7	-0,1	-0,143
Соединенное королевство	-2,5	0	0,000	-19,8	0,0	0,000	15,5	-0,9	-0,058
США	-1,3	-0,9	0,692	-9,0	-6,7	0,744	7,4	3,2	0,432
Франция	-5,9	0,7	-0,119	-13,8	0,9	-0,065	18,7	-1,3	-0,070
Швеция	0,3	-0,2	-0,667	-8,0	-2,4	0,300	4,9	0,2	0,041
Южная Корея	-1,3	-3,8	2,923	-3,2	-0,5	0,156	2,1	0,4	0,190
Япония	-0,5	-0,1	0,200	-8,3	-0,3	0,036	5,3	-0,2	-0,038
Еврозона	-3,7	0,2	-0,054	-11,7	-0,5	0,043	12,5	-0,6	-0,048

* Составлено авторами на основе данных базы *countryeconomy.com*. URL: <https://countryeconomy.com/unemployment>, <https://countryeconomy.com/gdp> (дата обращения 29.01.2021).

стичность занятости по ВВП отмечена только во Франции, когда увеличение удельного веса занятых на 0,9% сопровождалось падением ВВП на 13,8%. Почти в половине указанных в таблице 2 стран значение коэффициента не превышало 0,1 (в странах Еврозоны – 0,043). Данный факт свидетельствует о том, что занятость продемонстрировала достаточно большую устойчивость к падению совокупного спроса. Наибольшее значение эластичности наблюдается в США (0,744) и России (0,536). В предыдущие кризисные ситуации величина показателя в России была ниже – 0,25 в период событий 2008–2009 гг. и 0,13 в 2015–2016 гг. [Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И.,

Рошин С.Ю., 2017, 27]. Таким образом, по сравнению с последней острой ситуацией на рынке труда периода 2015–2016 гг. эластичность занятости по выпуску выросла более чем в четыре раза, гибкость российского рынка труда увеличилась, однако колебания в занятости всё-таки достаточно слабо синхронизированы с колебаниями в объёмах производства.

При анализе ситуации в III квартале 2020 г. в первую очередь выделяется факт позитивной динамики роста ВВП во всех представленных странах, причём в ряде из них ВВП вырос более чем на 10% (в том числе по Еврозоне в целом на 12,5%). Такие впечатляющие значения можно объяснить

существенным спадом экономики в предыдущих кварталах, т.е. рост показателя объясняется эффектом низкой базы. Занятость в большинстве стран всё ещё продолжает снижаться, но темпы снижения уменьшаются, а в некоторых странах начинается постепенный рост, лидерами по данному показателю являются страны Северной Америки – в Канаде рост занятости составил 3,3 %, в США – 3,2 %.

Суммируя сказанное, стоит отметить, что глобальный рынок труда как таковой в условиях пандемии превратился в «страновой» – страны закрыли свои границы для свободного перемещения рабочей силы. Стоит принимать во внимание также факт готовности правительств развитых стран ужесточить ограничения для решения коронавирусной проблемы и снижения числа заболевших и умерших, а реализация новых мер карантинного характера может негативно отразиться на глобальной экономической ситуации²⁴. Согласно обновлённому макропрогнозу Международного валютного фонда, темпы восстановления мировой экономики после ускоренного роста в III квартале 2020 г. вновь замедляются, что является следствием новых вводимых ограничений и их влиянием на сферу услуг. Падение мирового ВВП по состоянию на конец 2020 г. оценивается в 4,4 %, при этом прогноз восстановительного роста на 2021 г. понижен по сравнению с предыдущими оценками до 5,2 %. Предполагается, что темпы восстановления экономики развивающихся стран будут выше, чем в развитых. Эксперты повысили оценку по ВВП России на конец 2020 г. – прогноз улучшен на 2,5 % и, таким образом, падение ВВП России по итогам 2020 г. составит 4,1 %; ожидания роста на 2021 г. снизились до 2,8 % вместо первоначально прогнозируемых 4,1 %²⁵.

4. Выводы

Глобальный рынок труда в условиях пандемии превратился в «страновой», так как страны закрыли свои границы для свободного перемещения рабочей силы. По мнению авторов, неолиберальный подход к управлению экономикой в условиях пандемии показал свою несостоятельность во многих странах мира. Правительства и руководители стран мира были вынуждены вводить ограничительные меры в условиях неопределённости и хаоса, что прямым образом влияло на эффективность принимаемых решений. Для

решения глобальных задач и достижения целей гармонизации необходимо вовлекать все заинтересованные стороны и осуществлять согласованные меры консолидированной, глобальной политики. Осуществление тех или иных мер должно быть адаптировано не только на «страновом», но и на местном и/или секторальном уровнях с учетом нюансов конкретной ситуации.

Пандемия подчеркнула глубоко укоренившуюся неустойчивость рынка труда и его структурное неравенство – наиболее сильно кризис затронул низкооплачиваемых работников, самозанятых и трудоустроенных в неформальном секторе экономики. Содействие переходу от неформальной экономики к формальной будет оставаться приоритетом для стран с высоким уровнем неформальной занятости, а проявившийся в особенной степени низкий уровень защищённости неформальных работников может послужить катализатором «обеления» занятости.

В ряде стран мира занятость оказалась в достаточной степени устойчивой к падению совокупного спроса, эластичность занятости по ВВП в большинстве стран мира во II–III кварталах 2020 г. не превышала значения 0,1. Данный факт означает, что рынки труда ряда стран мира адаптировались к сложившейся ситуации, введённые ограничения в большей степени отразились на объёме ВВП и в большинстве случаев не привели к массовому росту безработицы. Ключевыми механизмами подстройки к новым условиям выступили снижение количества отработанных часов занятыми и сокращение их трудовых доходов. Важно также отметить, что увеличение численности находящихся в поиске работы людей и одновременное сокращение количества рабочих мест является предпосылкой для формирования в ряде стран мира рынка труда, благоприятствующего работодателю, что приведёт впоследствии к медленному росту заработной платы.

Карантинные меры и снижение деловой активности привели к сокращению уровня занятости во многих странах мира, однако в странах Европы и Азии повышение уровня безработицы не было таким значительным, как в странах Северной Америки. Данное отличие обусловлено, в первую очередь, реализацией в странах Еврозоны программ сохранения рабочих мест, которые помогли фирмам и их работникам справиться со спадом деловой активности, вызванной введёнными правительствами ограничениями. Для максимизации эффекта, многие правительства европейских стран модернизировали ранее существовавшие программы и ввели новые, отвечающие реальным ситуациям. С другой стороны, акцент, который был сделан в США на социаль-

²⁴ Канцлер Германии Ангела Меркель признала отсутствие успехов в борьбе с COVID-19. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/11/23/847990-angela-merkel> (дата обращения: 25.11.2020).

²⁵ Сдерживаемый пандемией рост услуг тормозит восстановление экономики. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4530359> (дата обращения: 22.10.2020).

ную защиту потерявших работу и сохранении их доходов, способствовал резкому росту официальной безработицы. На официальные показатели безработицы на рынке труда США повлияли также и особенности статистического учёта безработных.

В нынешних условиях централизованная государственная политика и программы на рынке труда играют критически важную роль в оказании помощи работникам и работодателям в борьбе с последствиями пандемии COVID-19. Таким

образом, приоритетом государственной политики занятости ряда стран мира будет обеспечение баланса помощи оставшимся без работы, в первую очередь, представителям наименее защищённых сегментов рынка труда, и укрепления систем обеспечения занятости с учётом имеющихся ресурсов. Обозначенный вектор развития требует большей согласованности между экономической, трудовой и социальной политикой отдельно взятого государства.

Список литературы

- Бобков В.Н., Масловский-Мстиславский П.С., Маликов Н.С. Качество жизни: вопросы теории и практики / М-во труда и соц. развития Рос. Федерации. Всерос. центр уровня жизни. М.: Всерос. центр уровня жизни, 2000. 32 с.
- Бобков В.Н., Одегов Ю.Г., Гарнов А.П. Регулирование неустойчивой занятости в моногородах // Экономика региона. 2020. Т. 16. Выпуск № 2. С. 522–534.
- Ведев А.Л., Дробышевский С.М., Кнобель А.Ю., Соколов И.А., Трунин П.В. Сценарии развития экономической ситуации в России в 2020–2021 гг. и вызовы экономической политики // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 5. С. 4–23.
- Золотов А.В., Золотов С.А. Реализация принципов безусловного базового дохода как ответ на вызовы коронавируса // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16. № 4. С. 96–104. DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.4.8
- Колесникова О.А., Стребков А.А. Расширение практики применения дистанционной занятости: проблемы, решения, перспективы // Социально-трудовые исследования. 2020. № 41(4). С. 57–67. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-41-4-57-67
- Мухина И.И., Синдяшклина Е.Н. Занятость и безработица: кризис или новые возможности // Социально-трудовые исследования. 2020. № 40(3). С. 56–67. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-40-3-56-67
- Неустойчивая занятость: международный и российский контексты будущего сферы труда: Монография / под ред. Бобкова В.Н. М.: Изд-во РеалПринт, 2017. 560 с.
- Неустойчивость занятости (прекаризация): особенное и общее с учётом интеграционных усилий государства и общества / под ред. Бобкова В.Н. М.: МАГИСТР-ПРЕСС, 2015. 448 с.
- Никитина Н.А. Изменения на рынках труда в условиях пандемии // Социальные и экономические системы. 2020. № 3. С. 125–136.
- Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России / под ред. Мау В.А. М.: 2020. 744 с.
- Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / Доклад Центра трудовых исследований (ЦеТИ) и Лаборатории исследований рынка труда (ЛИРТ) НИУ ВШЭ под ред. Гимпельсона В.Е., Капелюшниковой Р.И., Рощина С.Ю. М.: ЦСР, ВШЭ, 2017. 148 с.
- Российское управление. Часть 2. Функциональный менеджмент и его особенности. Учебник / коллектив авторов. М.: Русайнс, 2020. 334 с. Глава 18. С. 79–115.
- Руденко Г.Г., Долженкова Ю.В. Дистанционная занятость: современные тенденции трансформации // Социально-трудовые исследования. 2020. № 41(4). С. 50–56. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-41-4-50-56
- Экономика и социология труда: теория и практика: учебник и практикум для вузов / под ред. Масловой В.М., Полевой М.В. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020. 493 с. Тема 2. С. 48–105.

References

- Bobkov V.N., Maslovskyy-Mstislavsky P.S., Malikov N.S. (2000). *Quality of life: questions of theory and practice*. Ministry of Labor and Social. development Ros. Federation. Vseros. center of living standards. M.: Vseros. center of living standards. 32 p. (In Russ.).
- Bobkov, V.N., Odegov, Yu.G. & Garnov, A.P. Regulation of Precarious Employment in Single-Industry Towns. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*. 2020. Vol.16. No.2. P.522-534. (In Russ.).
- Vedev A.L., Drobyshevsky S.M., Knobel A.Yu., Sokolov I.A., Trunin P.V. Scenarios of the development of economic situation in Russia in 2020-2021 and challenges for economic policy. *Russian economic development*. 2020. Vol.27. No.5. P.4-23. (In Russ.).
- Zolotov A.V., Zolotov S.A. Realization of the UBI principles as an answer to the covid-19 challenges. *Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2020. Vol.16. No.4. P.96-104. DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.4.8. (In Russ.).
- Kolesnikova O.A., Strebkov A.A. Advanced distance employment as a trend: problems, solutions, prospects. *Social and labor research*. 2020. No.41(4). P.57-67. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-41-4-57-67. (In Russ.).
- Mukhina I.I., Sindyashkina E.N. Employment and unemployment: crisis or new opportunities. *Social and labor research*. 2020. No.40(3). P.56-67. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-40-3-56-67. (In Russ.).
- The volatility of employment: the international and Russian contexts of the future sphere of labor. (2017). Scientific ed. Bobkov V.N. Moscow: Real Print. 560 p. (In Russ.)
- Instability of employment (precarious): special and general, considering the integration efforts of the state and society. (2015). Editor-in-chief V.N. Bobkov. Moscow: Publishing House MASTER-PRESS. 448 p. (In Russ.)
- Nikitina N.A. Labour market changes in the face of pandemic. *Social and economic systems*. 2020. No.3. P.125-136. (In Russ.).
- Obshchestvo i pandemiya: opyt i uroki bor'by s COVID-19 v Rossii (Society and the pandemic: experience and lessons from the fight against COVID-19 in Russia). (2020). pod red. Mau V.A. M.: 2020. 744 p. (In Russ.).
- Prognoz osnovnykh pokazatelej social'no-ekonomicheskogo razvitiya RF na 2020–2023 gody (Forecast of the main indicators of socio-economic development of the Russian Federation for 2020–2023). (2020). Vedev A., Drobyshevskij S., Kaukin A., Knobel' A., Miller E., Trunin P., Tuzov K., Zajcev D., Kos'yanenko A., Orekhina I., Zhevnov E., Galickaya N., Arhipova T. / *Schetnaya palata Rossijskoj Federacii, Institut ekonomicheskoy politiki im. E.T. Gajdara* / M.: 2020. 33 p. (In Russ.).
- The Russian labor market: trends, institutions, structural changes. (2017). *Report of the Center for Labor Studies (CESTI) and Laboratories of Labor Market Research (LIRT)*, HSE. Ed. by V. Gimpelsoan, R. Kapelyushnikov and S. Roshchin. Moscow: CSR, HSE. 148 p. (In Russ.).

McKibbin, Warwick J. and Fernando, Roshen. (2020). The Global Macroeconomic Impacts of COVID-19: Seven Scenarios. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID3547729_code1532085.pdf?abstractid=3547729&mirid=1&type=2 (дата обращения: 29.09.2020).

Rossijskoe upravlenie. CHast' 2. Funkcional'nyj menedzhment i ego osobennosti. Uchebnik (The Russian management. Part 2. Functional management and its features. Textbook). (2020). Kollektiv avtorov. M.: Rusajns, 2020. 334 p. Glava 18, pp.79-115. (In Russ.)

Rudenko G. G., Dolzhenkova Yu. V. Remote employment: current trends of transformation. *Social and labor research*. 2020. No.41(4). P.50-56. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-41-4-50-56. (In Russ.)

Ekonomika i sociologiya truda: teoriya i praktika: uchebnik i praktikum dlya vuzov (Economics and Sociology of Labor: theory and practice: textbook and workshop for universities). (2020). Pod red. Maslovoj V.M., Polevoj M.V. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Izdatel'stvo YUrajt. 493 p. Tema 2, pp.48-105. (In Russ.)

McKibbin, Warwick J. and Fernando, Roshen. (2020). The Global Macroeconomic Impacts of COVID-19: Seven Scenarios. [online]. Accessed 29.09.2020. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID3547729_code1532085.pdf?abstractid=3547729&mirid=1&type=2

Заявленный вклад авторов:

Одегов Ю.Г. – постановка проблемы, разработка концепции статьи, сбор, обработка и анализ данных, анализ результатов исследования, формулирование выводов исследования.

Разинов А.Е. – критический анализ литературы, сбор, обработка и анализ данных, представление табличных данных, анализ результатов исследования, формулирование выводов исследования.

Authors' declared contribution:

Yury G. Odegov – problem statement, article concept development, data collection, processing and analysis, analysis of research results, formulation of research conclusions.

Anton E. Razinov – critical analysis of the literature, collection, processing and analysis of data, table data representation, analysis of research results, formulation of research conclusions.